Галина Кузнецова

ОЛИВКОВЫЙ САДЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»
ПАРИЖЪ

Дорогому Вячеславу Ивановичу
Съ большой просьбой написать
мнѣ объ этой книгѣ свой
совершенно откровенный отзывъ.

Ив. Бунинъ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

(Изданія «Современныхъ Записокъ»)

Утро, разсказы .... Парижъ, 1930 г.

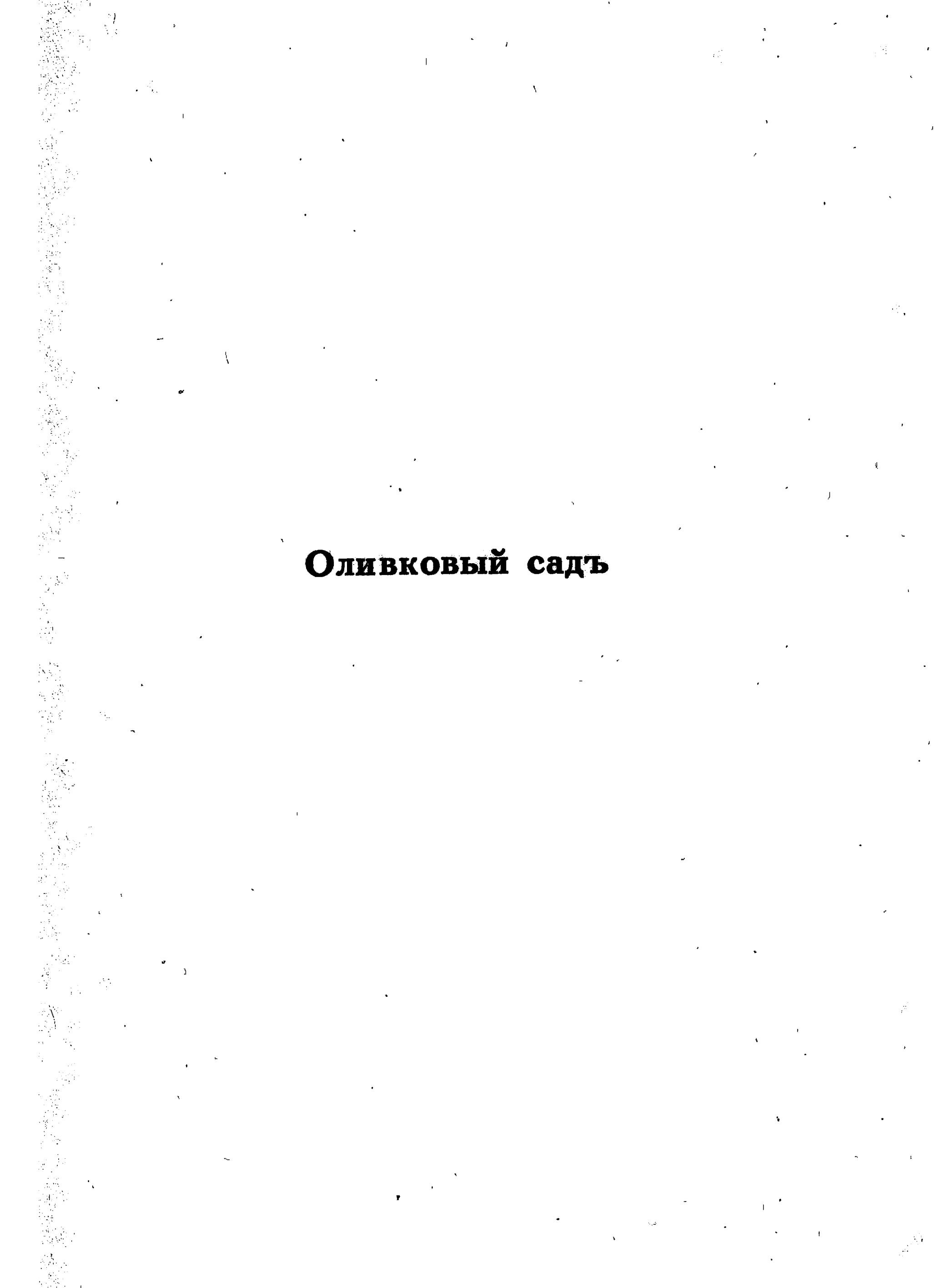
Прологъ, романъ .... Парижъ, 1933 г.

Галина Кузнецова

ОЛИВКОВЫЙ САДЪ

1923-1929

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»
ПАРИЖЪ

Оливковый садъ

О, этотъ садъ! Нескошенной травой,
Зеленой сѣтью путая колѣни,
Весь захлебнувшись знойной синевой,
Онъ молча слушалъ жалобы и пени.

Въ прорывъ вѣтвей потокъ далекихъ крышъ
Катился внизъ своимъ сухимъ коралломъ,
И пробковыхъ дубовъ надъ камнемъ жаркихъ нишъ
Недвижимо стояло опахало.

И небеса такою болью жгли,
Такимъ ликующимъ и безпощаднымъ свѣтомъ,
Что гаснущимъ глазамъ казалась грудь земли
Единственнымъ пріютомъ и привѣтомъ...

Садъ принялъ слезъ младенческій потокъ,
Благословилъ своею чащей чистой,
Пославъ щекамъ чуть слышный холодокъ
Цѣлебной свѣжести на лентахъ травянистыхъ.

1937 г.

I

Городъ широкихъ улицъ,
Тѣнистыхъ улицъ-аллей.
Городъ старинныхъ храмовъ
И бѣлыхъ монастырей.

Осенью въ грустныхъ паркахъ,
Сквозь листьевъ зыбкій навѣсъ,
Южныя звѣзды ярки
На черномъ шелкѣ небесъ.

Днемъ на желтыхъ дорожкахъ
Узорныхъ кленовъ листы.
Въ небѣ высокомъ — Лавры
На солнцѣ горятъ кресты.

Звонкое эхо пѣсенъ
Съ широкой синей рѣки,
Гдѣ подъ зубчатымъ лѣсомъ
Спятъ золотые пески.

Городъ дальняго дѣтства,
Я слышу сквозь шумъ морей
Шелестъ ночного вѣтра
Въ вѣтвяхъ твоихъ тополей.

ДАРДАНЕЛЛЫ

Осенній дождь тоскливо сѣетъ,
Унылый берегъ оцѣпенѣлъ.
Въ туманѣ мутномъ едва сѣрѣютъ
Густыя волны Дарданеллъ.

На мысѣ камни пустой мечети,
Руины, спины горбатыхъ горъ,
Какъ будто трупы былыхъ столѣтій,
Какъ будто пасти звѣриныхъ норъ.

Ныряетъ въ морѣ сѣдомъ фелука,
Дырявый парусъ легко круглитъ...
О, быть пришельцемъ — какая мука,
Какъ горько сердце мое болитъ.

ТУРЕЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

Огнемъ пылаютъ оконца
Домовъ, взбѣжавшихъ на мысъ.
Зажмурю глаза отъ солнца,
Обниму рукой кипарисъ.

Какъ нѣжно апрѣльскій вѣтеръ
Касается жаркихъ губъ!
Дрожатъ въ лучезарномъ свѣтѣ
Дымки пароходныхъ трубъ.

Внизу бубенцы и топотъ,
Веселая жизнь долинъ,
А здѣсь кипарисовъ шопотъ
И важный покой вершинъ.

И кажется: легкой птицей
Въ столѣтнихъ вѣтвяхъ шурша,
Поетъ надъ земной гробницей
О вѣчной жизни душа.

Почувствовать свое предназначенье,
Сгибать мечту, какъ самый страстный лукъ,
И падать въ раскаленное теченье
Неутомляемыхъ лѣтами мукъ.

Всю жизнь слѣдить съ берегового вала
Нездѣшняго круженье корабля...
Мнѣ — правнучкѣ упрямаго Дедала —
Отмѣрена смиренная земля.

Переживу послѣднее смятенье,
Восплачутъ обо мнѣ колокола,
И полетитъ съ высокимъ, вольнымъ пѣньемъ
Моя освобожденная стрѣла.

РУСЬ

Полно и щедро твое наслѣдство.
Сладко мнѣ бремя его нести.
Точно янтарь полноцвѣтный, дѣтство
Тяжкою нитью лежитъ въ горсти.

Лобъ окропивъ въ расписныхъ воротахъ,
Денежкой звякнетъ въ стаканъ слѣпца,
Солнцемъ освѣтитъ въ церковныхъ сотахъ
Нимбъ погруженнаго въ тѣнь лица.

Вынесутъ ломоть ржаного хлѣба.
Сяду на паперть мечтать и ѣсть.
Чѣмъ мнѣ такъ дорого это небо,
Голуби, кровель рябая жесть?

Видно, сестрой простыхъ богомолокъ,
Пальмовой вѣтвью кропя лари,
Въ сумрачный міръ мнѣ нести осколокъ
Золотоглавой твоей зари.

X

Такое небо бываетъ надъ снѣгомъ
Необозримой пустыни русской:
Надъ хатой тополь чернѣетъ узкій,
Сквозь тучи пламень сіяетъ тусклый.

Такое небо было надъ снѣгомъ,
Когда мы въ тѣсныхъ саняхъ летѣли,
И въ небѣ главы церквей блестѣли
И, отставая, кружились ели...

И я жила, за днемъ встрѣчая день,
Среди домовъ и улицъ старосвѣтскихъ,
Любила ихъ скосившуюся тѣнь
И въ садикахъ персидскую сирень,
Наперсницу моихъ мечтаній дѣтскихъ.

Меня грустить учили соловьи
На высотѣ мазепинскихъ откосовъ,
И первыя томленія любви
Рѣсницы тамъ туманили мои
И свѣтлыя отягощали косы.

Я приняла въ себя печальный хмель
Пустыхъ церквей и старыхъ укрѣпленій,
И сталъ сентябрь милѣе, чѣмъ апрѣль,
Моей душѣ...

...И я уйду съ земли въ такой же дряхлый день.
Меня по улицамъ, вдоль мокнущихъ заборовъ,
Чужіе повезутъ... Клочки цвѣтныхъ афишъ,
Скупое небо, вѣтеръ, вѣтокъ нищій хворостъ —
Зимою западной опустошенный день...

Какъ холодно тогда въ гробу моемъ желѣзномъ,
На изголовьи низкомъ, въ саванѣ чужомъ,
Лежать мнѣ будетъ. Металлическимъ вѣнкомъ,
Скрежещущимъ оцѣпенѣлыми цвѣтами,
Украсятъ черный безобразный катафалкъ...

А я любила свѣтъ, великолѣпный снѣгъ,
Надъ аметистомъ моря гаснущее солнце,
И капюшоны сосенъ величавыхъ, —
И кисти красныя серебряныхъ рябинъ,
И купола, плывущіе въ лазури.

Иконостасъ. Суровыя иконы.
Далекій городъ умѣряетъ гулъ.
Я здѣсь кладу послѣдніе поклоны,
Чтобъ ты въ Саду Господнемъ отдохнулъ.

Надѣюсь я — твой духъ не отлетаетъ,
Читаетъ мысль мою изъ-за плеча.
Въ моей рукѣ дрожитъ и оплываетъ
Заупокойная свѣча...

Горюю я — крыломъ сдвигаю крышу
Безмолвнаго и тѣснаго жилья,
Чтобъ слышалъ ты, какъ теплый вѣтеръ дышетъ
Въ селеніяхъ степного ковыля.

Смогу-ли все пересказать сначала —
Твое наилюбимое дитя —
Чтобъ ты возсталъ изъ земляного вала,
Нетлѣнными сѣдинами блестя?

И самымъ тихимъ, самымъ нѣжнымъ пѣньемъ
Баюкая твой утомленный сонъ,
Верну-ли я тебѣ благоговѣйно
Поэзію младенческихъ временъ?

Мнѣ съ каждымъ часомъ міръ дороже...
Склонясь съ высокаго моста,
Смотрю: сафьяновою кожей
Внизу волнуется вода.

И мягко съ матового свода
Полуприкрытый льется свѣтъ...
Благодарю тебя, природа,
За все, чему названья нѣтъ.

За все, что дышетъ, свѣтитъ, манитъ,
Томитъ тревожною тщетой,
Все, что сіять не перестанетъ,
Когда я стану пустотой.

ОСЕННЯЯ МУЗА

Вы наступаете, возлюбленные дни.
Молчатъ сады за черною рѣшеткой,
И мы съ тобой скитаемся одни
Подъ этой облачностью кроткой.

Ты любишь мнѣ нашептывать стихи
Въ сіяніи смягченномъ небосклона,
Когда фонтаны съ шорохомъ сухимъ
Взвѣваются по вѣтру, какъ знамена.

Да, мы съ тобой встрѣчали много разъ
Миръ этихъ дней и пламень ихъ неяркій.
Но наступаетъ возмужанья часъ,
Быстрѣе нить разматываютъ Парки —

И я уже отнынѣ не хочу
Небрежно слушать твой ребячій говоръ:
Склонись прилежнѣй къ моему плечу,
Учи меня достойнѣй и суровѣй.

II

Оставить въ мірѣ память о себѣ!
Ни имена, ни книги, ни преданья,
Ни скудныя друзей воспоминанья
Не скажутъ о земной моей судьбѣ...
О, если-бы на обнаженномъ мысѣ
Сіяли между смольныхъ кипарисовъ
На мраморномъ, на гробовомъ гербѣ
Два слова, посвященныя Тебѣ!

На вѣтки тонкія оливъ,
На перламутровое море
Ложится радужный отливъ
Слезы, растаявшей во взорѣ.
Но я сильна, сильна теперь!
Мнѣ и въ сознаніи потери
Сіяетъ солнечная твердь
Въ раскрытыя тобою двери.

Мы въ этотъ день любили всѣхъ людей,
И блескъ дорогъ, и выжженныя горы,
И медленно жующихъ лошадей,
И свѣтовыя въ воздухѣ озера.

О, какъ легко надъ временемъ взлетать!
Лети, лети, лазурная трирема!
Отсюда намъ не трудно вспоминать
Сверкающія пастбища Эдема.

Смѣялся залъ подъ переливы флейтъ,
И въ хрусталѣ былъ радужный оттѣнокъ,
И тѣнь текла отъ пальмовыхъ вѣтвей
На горячо сверкающія стѣны.
А полдень плылъ на палевый навѣсъ
И парусомъ лѣнивымъ рѣялъ въ морѣ
И радостью языческой воскресъ
Въ твоемъ зеленомъ съузившемся взорѣ.

На горной дымкѣ, смутно-голубой,
Узоръ вѣтвей раскинутыхъ и снѣжныхъ...
Все, все, что мнѣ даровано тобой,
Я сохраню въ сокровищницѣ нѣжной.
Меня ничто не мучаетъ, не жжетъ
Подъ взглядомъ глазъ твоихъ орлино-зоркихъ...
Такъ пчелы собираютъ сладкій медъ
Съ иныхъ цвѣтовъ, губительныхъ и горькихъ.

Ты привезъ меня въ зубчатый замокъ,
Въ позабытый замокъ провансальскій.
Далеко онъ виденъ сѣрой башней
Въ чащѣ синихъ итальянскихъ пиній.

Я одна прошла по гулкимъ заламъ,
По крутымъ и узкимъ поворотамъ,
Долго я стояла въ старой нишѣ —
На поля холмистыя смотрѣла.

Здѣсь съ тобою мы когда-то жили.
Было много слугъ у насъ и псарня.
Здѣсь тебѣ когда-то, темной ночью,
Умирая, родила я сына.

Покидаю нашъ край счастливый,
Нашихъ горъ серебряный гребень,
Голубое стекло залива,
Эти мачты на свѣтломъ небѣ.
Ты одинъ возвратишься въ гавань,
Взглянешь: въ морѣ маякъ сургучный...
О, моя единая слава!
Гдѣ ты вѣешь, мой вѣтеръ звучный?
Гдѣ былая наша истома
Въ этомъ мірѣ лазурномъ рѣетъ?
Такъ же сосны шумятъ надъ домомъ,
Виноградныя кисти зрѣютъ —
И лежатъ за ржавой рѣшеткой,
На прохладныхъ церковныхъ плитахъ,
Точно жертва дріады кроткой,
Пять смолистыхъ шишекъ раскрытыхъ.

Опять, опять въ вѣтвяхъ тяжелыхъ пальмъ
Играетъ вѣтеръ утренній, и небо
Нѣжнѣе бирюзы надъ гладью голубой
Пустого моря. Снова сѣрый гравій
Подъ бѣлою волной рокочетъ и шуршитъ,
И я глаза подъ этимъ блескомъ щурю.
Но что-то мнѣ мѣшаетъ быть простой,
Довѣрчивой, безпечной, безпечальной.
Въ порту платаны, голый лѣсъ снастей
И статуя Мадонны надъ соборомъ
Напоминаютъ мнѣ счастливый югъ,
Счастливый блескъ и зной другого лѣта.

Прости меня. Я знаю, что судьба
Дала мнѣ много счастья. Я познала
Сіянье, страсть и сладость бытія.
Я возлюбила землю. Я не смѣю
Ни сѣтовать, ни плакать... Но зачѣмъ
Я такъ блаженно думаю о смерти?

Глухія слезы по щекамъ бѣгутъ,
А ты, душа, какъ бы забывъ о боли,
Уже глядишь въ ту солнечную мглу,
Надъ листьями блестящими магнолій.

Тамъ облака, клубясь, какъ снѣжный дымъ,
Едва туманя острыя вершины,
Плывутъ, плывутъ по склонамъ голубымъ,
Подобныя жемчужной паутинѣ.

И знаю, вновь готова вѣрить ты
Въ омытыя прибоемъ дымнымъ страны,
Въ безшумные пустые океаны,
Чуть видные со страшной высоты.

Ты чуешь міръ не временный, не тлѣнный,
Гдѣ мы пройдемъ безслѣдно и забвенно,
Но вѣчный міръ, въ которомъ смѣны нѣтъ,
Гдѣ сладостно струится синій свѣтъ.

Съ тяжелымъ шумомъ волнъ мѣшался голосъ твой,
Вставали облака изъ темнаго залива,
И вѣтеръ вѣялъ солью и травой,
И вѣчностью, пустынной и счастливой.
И снова, вся въ слезахъ, для подвига любви,
Душа вставала, въ мукахъ выростая,
И вдоль залива темные огни
Беззвучно раздувала тьма пустая...

Спокойная и грустная отрада.
До смертной сѣни будемъ помнить мы
Страны великолѣпной, какъ Эллада,
Пологіе и синіе холмы.

Здѣсь поутру насъ будитъ нѣжнымъ свистомъ
Простая пѣсня чернаго дрозда
И въ сумерки изъ-за масличныхъ листьевъ
Жемчужиною теплится звѣзда.

Надъ садомъ есть пустынная бесѣдка:
Чуть свѣтится цвѣтами темный лугъ
И тонкія, извилистыя вѣтки
Туманный образуютъ полукругъ.

Крыло летучей мыши тихо рѣетъ,
Съ обрыва вѣетъ влажною травой —
И небо, точно озеро, свѣтлѣетъ,
Серебряной налито синевой.

По имени назвать тебя не смѣю
И за руку тебя не смѣю взять
И вечеромъ въ высокую аллею
Одна иду безпомощно блуждать.

Сырая тьма приноситъ запахъ чайный
Бѣлѣющихъ по стѣнамъ смутно розъ,
И ночь сама томится грѣшной тайной
Неразрѣшимыхъ, ядовитыхъ слезъ.

И тамъ, вверху, гдѣ факеломъ угрюмымъ
Чернѣетъ кипарисъ сторожевой,
Безпомощной и пламенною думой
Я издали бесѣдую съ тобой.

Застыла ночь, надъ облакомъ вѣтвей
Жемчужное разсыпавъ ожерелье,
И ровно въ полночь будитъ соловей
Листву оливъ серебряною трелью.

И снится мнѣ, что мы въ саду пустомъ,
Въ аллеѣ пальмъ и въ сѣни ихъ могильной,
И въ теплой тьмѣ овѣянъ темный домъ
Геліотропа запахомъ ванильнымъ.

И мы опять въ той сказочной странѣ,
Гдѣ вздохи травъ и звѣзды — все иное,
И ты такой, какимъ былъ посланъ мнѣ
Среди сверканья, золота и зноя.

Горятъ цвѣты на сѣромъ камнѣ стѣнъ,
Журчитъ вода по каменному ложу,
И крылья пальмъ въ горячей вышинѣ
На перья шлема чернаго похожи.

О, если-бъ жить въ прекрасной простотѣ!
Сходить къ колодцу съ глинянымъ кувшиномъ,
Смотрѣть, какъ дрокъ желтѣетъ въ высотѣ,
Какъ лиловѣютъ горныя вершины.

И вечеромъ безоблачнаго дня,
Когда бредутъ по уличкамъ коровы,
Молить: «Марія, сохрани меня»,
Заслыша колоколъ средневѣковый.

Сіяетъ даль, и море подъ горой
Лежитъ внизу лазурнымъ, полнымъ дымомъ,
И въ темной хвоѣ воздухъ голубой
Сквозитъ, томя мечтой неутолимой,
И южный блескъ пьянитъ и нѣжитъ взглядъ,
Какъ будто вновь былые дни воскресли,
И тѣни пальмъ текутъ на мой нарядъ
И, въ бѣломъ, ты лежишь на низкомъ креслѣ.

Все течетъ, проходитъ, блекнетъ, вянетъ,
День смѣняетъ день, зима — зиму.
Часъ пробьетъ — и дальнимъ свѣтомъ станетъ
Все, что мило сердцу моему.

Все, что мы съ тобою такъ любили:
Нить огней, соборную иглу,
За сырымъ окномъ автомобиля
Городъ, убѣгающій во мглу,

Южный блескъ и пальмы вѣеръ темный,
Въ пустотѣ раскрытый голубой —
Все смягченно, съ нѣжностью спокойной,
Въ день, уже предвидимый судьбой,
Буду видѣть я передъ собой.

О, какъ сегодня ночь смутна, блѣдна!
Какъ зеркальце у мертвыхъ губъ, луна
Едва блеститъ за тонкимъ бѣлымъ дымомъ.
Чуть поднимаетъ вздохъ неуловимый
Волну деревьевъ темныхъ. Чуть тепломъ
Отъ травъ высокихъ, высушенныхъ вѣетъ...
Шумитъ вода, печально водоемъ
Покинутый сіяетъ, и бѣлѣетъ
Средневѣковой церковки стѣна,
И молча неподвижная луна
Глядитъ на темный выгибъ Эстереля.

Колоколовъ протяжный разговоръ
Въ туманѣ нарождающейся ночи.
Гряда крутыхъ, волною вставшихъ, горъ
На тускломъ небѣ кажется короче.

Летимъ, летимъ на мягкихъ крыльяхъ внизъ,
Туда, гдѣ паръ, гдѣ блѣдное сіянье,
Гдѣ въ море мертвое вступаетъ темный мысъ,
И небо обрываетъ мірозданье...

Земную жизнь безславно я несу,
Меня печаль безпомощная гонитъ
За тающую въ небѣ полосу...
Возьми меня. Задумай въ новомъ лонѣ.

Выйди на старую площадь:
Тамъ карусели, флаги,
Взявшись за руки, ходятъ
Дѣвушки въ пестрыхъ платьяхъ.

Тамъ все то-же, что было
Вѣкъ назадъ или больше:
Ропотъ воды въ фонтанѣ,
Звѣзды магнолій бѣлыхъ,

Спящій на холмахъ городъ —
Башни и черепица —
Только у дѣвушекъ кудри
Вмѣсто косы тяжелой.

Только, когда танцуютъ
Въ праздникъ передъ соборомъ,
Мертвыхъ въ гробу тревожитъ
Мѣрный грохотъ жаззъ-банда.

Эхомъ въ истлѣвшемъ сердцѣ
Мѣдный гулъ отдается...
Это труба герольда
Или путь къ эшафоту?

Чѣмъ такъ плѣняетъ мрачный мысъ,
Тамъ, гдѣ у каменнаго входа
Маякъ, какъ тусклый аметистъ,
Окрасилъ сумрачную воду?

О чемъ на площади вода
Шумитъ, шумитъ, не умолкая,
Струями льющагося льда
Съ розетки каменной стекая?

Кто подъ платанами, одинъ,
Среди пустынной эспланады,
Стихи старинные твердилъ
Сто лѣтъ назадъ, въ иномъ нарядѣ?

. . . .

Бываютъ странныя мечты,
Когда огни, во мракѣ тая,
Вѣнкомъ хрустально-золотымъ
Заливъ погасшій огибаютъ.

Пустое море, дикій свѣтлый мысъ,
Разрушенная бѣлая гробница.
Безмолвно день туманно-голубой
Прохладою осенней студитъ лица.
И мы умремъ... Какъ грустно, какъ свѣтло
Широкій блескъ на эти волны льется,
И блѣдное сверкаетъ серебро,
И тяжкій гулъ прибоя раздается...

Пролился свѣтъ надъ неподвижнымъ садомъ.
Изъ купола сѣдого облака
Плывутъ, плывутъ широкимъ бѣлымъ стадомъ,
И имъ вослѣдъ гляжу безмолвно я
Расширеннымъ и упоеннымъ взглядомъ.

Волшебная и страшная земля
Мнѣ чудится огромнымъ страннымъ садомъ,
Гдѣ безутѣшно жизнью грежу я.

Въ сыромъ пару теряется гора,
Напоминаетъ саклю очеркъ дома,
И призрачная мрачная пора
Душѣ давно мучительно знакома.
О, странствія, о, годы страшныхъ лѣтъ,
Иныхъ долинъ истоптанныя травы...
Все небо — дымное видѣнье прошлыхъ лѣтъ,
Туманное явленье мертвой славы.

Вокругъ сады то гаснутъ, то свѣтлѣютъ:
Вверху летитъ видѣніе луны
И облака сіяютъ, пламенѣютъ —
На колесницѣ бѣлой мчатся сны...
Отвѣть, отвѣть! Не тамъ-ли, въ лунномъ ликѣ,
Не тамъ-ли ты въ пространствѣ голубомъ,
Что чудится величественнымъ, дикимъ,
Непостижимымъ, недоступнымъ дномъ?
О, какъ къ тебѣ безпомощно и страстно
Летитъ съ земли мой ослѣпленный духъ,
А небо величаво и безстрастно,
А горы спятъ, и спятъ сады вокругъ,
И на мои страдальческіе стоны
Отвѣта нѣтъ, и въ мірѣ нѣтъ тебя...
Луна летитъ, луна въ туманѣ тонетъ,
Я тѣнь ловлю, взываю къ тѣни я...

Въ большой, тяжелой книгѣ бытія,
Что для тебя, всезнающаго, я?

Простой и слабый, бѣлый мотылекъ,
Наивно развернувшійся цвѣтокъ,
Дитя, которому твоя рука
Отодвигаетъ локоны съ виска...

Въ великолѣпной книгѣ бытія
Что для тебя теперь любовь моя?

Да, гдѣ-то въ снахъ туманныхъ, въ старину,
Среди деревьевъ съ тусклымъ блескомъ стали,
Такую-же осеннюю весну
Мы объ руку съ тобой уже встрѣчали.
Былъ блѣдный садъ и та же даль и муть,
Синѣющая нѣжно за стволами,
И я безъ боли не могла взглянуть
На тихій лугъ, бѣлѣющій цвѣтами.
Средь прорѣдѣвшихъ вѣтокъ бирюза
Сквозила, холодѣя, умирая...
Я видѣла, смотря въ твои глаза:
Изъ нихъ глядитъ душа, всему чужая...

Надъ размокшимъ рыжимъ лѣсомъ
Съ неба сѣрая завѣса
Опускается, какъ дымъ,
И подъ кактусомъ сѣдымъ,
Словно выгнутымъ изъ цинка,
Мокнетъ желтая тропинка...

Неужели, неужели
Эти пальмы, эти ели
Тѣ, что въ солнечной пыли,

Въ блескѣ солнца, въ блескѣ мѣдномъ,
Надъ лицомъ моимъ волшебно
Трепетали и текли?

Присѣвъ на мраморномъ столѣ,
Смотрю въ долину голубую.

И вновь, въ сіяньи и теплѣ,
Лазурь небесную люблю я,
И вновь мнѣ любо на землѣ.

Цвѣтокъ лиловый съ прянымъ ароматомъ
Который цвѣлъ въ расщелинахъ камней,
Ты попросилъ сорвать тебѣ когда-то...
Цвѣтокъ лиловый съ прянымъ ароматомъ —
Воспоминанiе счастливыхъ южныхъ дней,
Вотъ ты лежишь сухой въ рукѣ моей,
Цвѣтокъ лиловый съ прянымъ ароматомъ,
Который цвѣлъ въ расщелинѣ камней.

ФЛОРЕНТИНСКАЯ МАДОННА

Въ косынкѣ легкой, голову склонивъ,
Она глядитъ покорными очами
Куда-то внизъ. За узкими плечами
Пустая даль и склоны голыхъ нивъ,
И городской стѣны зубчатый гребень,
Темнѣющій на свѣтло-синемъ небѣ.

Она глядитъ, по дѣтски ротъ сложивъ,
И тонкій кругъ надъ ней сіяетъ въ небѣ.

Прекрасенъ день въ странѣ лѣсовъ смолистыхъ:
Его лазурь отъ солнца голубѣй,
И въ ней, пронзая воздухъ легкимъ свистомъ,
Блистаютъ снѣгомъ крылья голубей.

Еще прекраснѣй красный дымъ заката
На высотѣ скалистыхъ площадей,
Гдѣ съ плечъ горы сползаетъ плащъ косматый
Изъ темныхъ ниспадающихъ вѣтвей.

Но сладостнѣй безчувствіе ночное,
Когда душа, свободна и одна,
Не вѣдая ни холода ни зноя,
Скитается по темнымъ странамъ сна.

Порывы вѣтра, ливень, плескъ и гулъ,
Полночный гулъ невидимаго сада...
Не спать во тьмѣ, когда весь домъ уснулъ, —
И въ этомъ есть какая-то отрада,
И въ этомъ есть какой-то грустный свѣтъ,
Предчувствіе послѣдняго покоя,
Когда ни шумъ морей, ни бѣгъ кометъ
Не возмутитъ спокойствіе ночное.

МЕНТОНСКІЙ ПОРТЪ

Средь горъ, темнѣющихъ неясно,
Вода струится чернымъ масломъ,
И золотымъ веретеномъ
Огни судовъ трепещутъ въ немъ.

На берегу, въ тавернѣ старой,
Горитъ огонь, поетъ гитара,
Подъ окнами, въ широкихъ кадкахъ,
Льютъ померанцы запахъ сладкій.

Но сумрачно освѣщена
Прибрежной крѣпости стѣна,
И медленно къ туманамъ горнымъ
Восходитъ ночь по зыбямъ чернымъ.

Печальнымъ звукомъ колоколъ звонитъ.
Опять иду въ тѣни платановъ яркихъ,
Опять среди лужаекъ прохожу,
Гдѣ ирисы высокіе похожи
На языки сиреневаго газа,
Колеблемаго вѣтромъ безпокойнымъ
Въ пустынныхъ переулкахъ. Что-то грустно
Мнѣ въ это лѣто. Сердце-ль стало старше,
Душа-ль трезвѣе отъ суровыхъ мыслей,
Но сумрачнѣй, спокойнѣй и мудрѣй
Смотрю на міръ, сіяющій, прекрасный,
Безсмысленный, какъ пѣсня соловья...

Въ прохладной и пустынной синевѣ
Восходятъ звѣздъ сіяющія очи.
Слабѣй цикадъ журчаніе въ травѣ,
Въ молчаньи листьевъ — приближенье ночи.

Блѣднѣетъ долъ въ туманѣ мѣловомъ...
Зачѣмъ туда, гдѣ факеломъ блестящимъ
Маякъ огонь хрустальный вскинулъ въ немъ,
Гляжу уединенно я все чаще?

Чего прошу у неба и земли
Съ такимъ изнеможеніемъ и страстью?
Оливы дремлятъ въ голубой пыли,
Долины дышатъ равнодушнымъ счастьемъ...

Надъ головою сухо шелеститъ
Густой наметъ зеленыхъ твердыхъ листьевъ.
Блестя слюдою, стрекоза летитъ,
Къ полудню крѣпче пахнетъ садъ смолистый.

А тамъ, за садомъ, нѣжнымъ, дымнымъ дномъ
Лежитъ долина въ солнечномъ туманѣ,
Лѣса сѣдымъ курчавятся руномъ,
Въ свѣтящемся теряясь океанѣ.

Подъ солнцемъ дремлетъ городъ. Блескъ листвы,
Уступы, стѣны, черепица, своды,
Въ тѣни платановъ каменные львы
Изъ круглыхъ ртовъ выбрасываютъ воду,

И женщина у ихъ волнистыхъ гривъ,
Полуденному радуясь безлюдью,
Садится, взоръ въ пространство устремивъ,
И кормитъ сына нѣжной бѣлой грудью.

И все вокругъ, какъ завтра, какъ вчера,
Не помнитъ о концѣ и о началѣ,
И вѣчно въ небѣ голая гора
Купается въ сіяньи синей дали.

ДЕРЕВЕНСКАЯ МЕССА

Въ окнѣ продолговатомъ — синій зной.
Органъ, переливаясь, замираетъ.
Ребенокъ въ распашенкѣ кружевной
На ступеняхъ кадильницей играетъ.
И дымъ плыветъ и свѣтлые глаза
Туманитъ пеленою голубою,
И ангельски ликуютъ голоса:
«Господь, Господь, намъ сладко быть съ Тобою...»

ГОРЫ

Каменистый склонъ синѣетъ терномъ,
Отъ горы на гору тѣнь упала,
Высоко надъ острымъ гребнемъ горнымъ
Облако серебряное встало.

Вотъ стучатъ по камешкамъ копыта,
За скалу дорога повернула...
Мы сейчасъ увидимъ Карменситу
На спинѣ навьюченнаго мула.

Сухо пахнетъ горькая лаванда,
Бѣлизной глаза слѣпитъ дорога,
И окаменѣвшимъ водопадомъ
Въ лѣсъ текутъ скалистые отроги.

Мы съ тобой состаримся и смолкнемъ,
Обѣ наши жизни обветшаютъ, —
Здѣсь кустарникъ тотъ-же будетъ колкій,
Отъ горы все та-же тѣнь большая...

И вотъ уже надъ кровлями тусклѣй
Зеленые просвѣты. Свѣжесть ночи.
Яснѣе звѣздъ рождающихся очи.
И въ воздухѣ молчатъ концы вѣтвей
Съ раскрытыми сердцами нѣжныхъ почекъ.

Любовь моя, съ тобою я одна.
Вода течетъ подъ сваями беззвучно,
Надъ башнями нѣмая тишина...
И розовая грустная луна
Встаетъ безмолвно изъ-за темныхъ сучьевъ.

На блѣдной отъ луны стѣнѣ
Платана тѣнь лежитъ узорно.
Плескъ водоема въ тишинѣ
На перекресткѣ сонномъ, черномъ...

Но лунный свѣтъ всего бѣлѣй
На дряхломъ каменномъ порталѣ,
Гдѣ надъ аркадою дверей
Мадонна въ грубомъ покрывалѣ.

Пусть все измѣнитъ, все пройдетъ:
И прелесть этихъ словъ влюбленныхъ,
И томность этихъ рукъ сплетенныхъ, —
Есть въ мірѣ неба синій сводъ,
Дороги бѣлый поворотъ
И гроздья звѣздъ межъ елей темныхъ...

Въ день сіяющій, осенній
Ухожу бродить по склонамъ
Сѣрымъ, высохшимъ и жесткимъ,
Гдѣ кузнечики стрекочутъ,
Гдѣ шиповникъ въ небѣ синемъ,
Окропленный кровью ягодъ,
Вѣтвь колючую сгибаетъ.
Предо мной гора сѣдая
Въ синевѣ высокой дремлетъ,
Молодые кипарисы
Изъ травы сухой и свѣтлой
Подымаются столбами, —
Все мнѣ хочется обнять ихъ
Станъ, монашески-суровый,
Все мнѣ хочется подъ ними
Спать послѣднимъ сномъ глубокимъ...

Зима, и море, тускло серебрясь,
Лежитъ подъ облаками сѣрымъ шелкомъ,
И я живу, переживя себя,
Дивясь тому, что голосъ мой не смолкнулъ,
Дивясь тому, что сердце можетъ жить,
Такой любви перенеся волненье,
Что солнце будетъ рощи золотить,
Что будетъ счастье снова во вселенной...

Настали дни холодные.
Какъ грустно въ темномъ домѣ!
Садъ сѣрый пахнетъ сыростью,
Стволы деревъ — корою.

Стоитъ, дрожитъ акація...
Не съ дѣтства-ли знакома
Мнѣ эта крыша красная,
Что тамъ въ туманѣ тонетъ?

Какъ долги ночи зимнія!
Какъ мнѣ не спится долго!
Отъ стѣнъ приходитъ легкое
Дыханье ледяное,

И кажется: все отнято,
Всѣ чудеса раскрыты.
Осталась мука подвига,
Истома испытанья.

Я распахнула ставни —
Гдѣ неба блескъ недавній?
Какой нежданный видъ!
Весь садъ летучимъ снѣгомъ,
Безмолвнымъ мягкимъ бѣгомъ
Куда-то внизъ скользитъ.
Что такъ свѣтло и странно
Вдругъ вспыхнуло во мнѣ?
А садъ летитъ въ окнѣ,
Неслышно и туманно...

Опять на взгорьяхъ тонкая трава,
Въ пустыхъ аллеяхъ теплый вѣтеръ вѣетъ,
И мраморной богини голова
Надъ чащами, гдѣ паръ и синева,
Узломъ высокихъ косъ своихъ бѣлѣетъ.

И я гляжу на этотъ синій дымъ,
На гладкія колонны темныхъ буковъ,
На темный лугъ, легко сходящій къ нимъ,
И за волненьемъ сладостнымъ моимъ —
Рожденіе мучительное звуковъ.

Я давно ни о чемъ не прошу, ничего не желаю, —
Ты такъ больно мнѣ снишься въ моей безутѣшной судьбѣ —
Лишь усталыя руки къ усталымъ глазамъ прижимаю
И безсильно молюсь, но уже не тебѣ, не тебѣ!

Пусть горитъ и цвѣтетъ въ напряженномъ и радостномъ мірѣ,
Межъ сіяющихъ горъ, нашей пламенной встрѣчи страна —
Надо мною паритъ и съ грядущимъ таинственно миритъ
Никому неповѣданныхъ мукъ тишина.

Все проходитъ — пройдутъ и мои неутѣшныя ночи.
Вотъ опять на горахъ розовѣетъ и рдѣетъ миндаль,
Дуетъ сладостный вѣтеръ въ мои воспаленныя очи
И волшебной дорогой внизу простирается даль.

Я возвращалась въ сумерки. Надъ садомъ
Стояла свѣтлолицая луна.
Вдругъ міра неземная тишина
Вошла въ меня весеннимъ сладкимъ ядомъ,
И я остановилась... Міръ молчалъ.
Алмазъ звѣзды надъ сучьями игралъ.
Подъ соснами лежали тѣни, рядомъ
Бѣлѣла невысокая стѣна...
Стучало сердце... Я была одна.

Всѣ земныя поля утѣшаются солнцемъ Твоимъ,
Ослѣпительнымъ шелкомъ одѣтыя лиліи дремлютъ,
На безстрастные горы нисходитъ ласкающій дымъ,
Только я, безутѣшно, смущаю счастливую землю.

Повели мнѣ вернуться въ Твою огневую купель,
Повели мнѣ вернуться, проснуться къ забытому
Раю:
Здѣсь меня обольщаетъ моя золотая свирѣль,
Я внушаю ей звуки, отчизны которымъ не знаю.

Оглавленіе

I

II

S.N.I.E., 32, Rue de Ménilmontant, Paris (20e)